

МОСКВА, 1934: РОЖДЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ГЕНЕТИКИ

В.В. Бабков

Институт истории естествознания и техники РАН, Москва, Россия, e-mail: heba@ihst.ru

Медицинская генетика, возникшая в нашей стране в результате деятельности Русского евгенического общества, была создана в первой половине 1930-х гг. усилиями небольшой группы крупных русских биологов и врачей. Выдающуюся роль в консолидации этих усилий и оформлении новой науки сыграл С.Г. Левит и его Медико-генетический институт, а важной вехой стала конференция по медицинской генетике 1934 г.

Специфика русского евгенического движения – предтечи медицинской генетики

Генетика человека в России, принявшая в 1930-е гг. форму медицинской генетики С.Г. Левита, в 1920-е гг. начиналась как русское евгеническое движение, лидерами которого были Н.К. Кольцов, Ю.А. Филипченко, С.Н. Давиденков и некоторые другие биологи и врачи. Надо уточнить: евгеника не была медгенетикой и вообще не была наукой. Евгеника Н.К. Кольцова была преамбулой к исследованиям эволюции и наследственности человека, поведения человека, типов конституции, генеалогий и патографий. Евгеника 1920-х гг. была не наукой, а движением, участвовать в котором было почетно.

Обсуждение возможностей евгеники, совпавшее по времени со стартом и быстрым развитием генетических исследований в России, опиралось на мощные традиции русской медицины и биологии. Руководитель движения Н.К. Кольцов обладал достаточным влиянием для поддержания в нем высоких научных стандартов и этических норм. Любое отклонение от строгого научного мышления в сторону недостаточно обоснованных фантазий встречало строгую критику на страницах кольцовского евгенического журнала. Движение было либеральным по характеру. Либерализм означает первенствование интересов личности над интересами группы. Поэтому *программа социальных действий* Ф. Гальтона, с *негативным* и *позитивным* направлениями, имеющая

целью улучшение человеческого племени, была исключена из задач движения. Его деятельность строилась вокруг *исследовательской программы* Ф. Гальтона, целью которой было раскрытие фактов наследственности человека и относительной роли наследственности и среды в развитии различных признаков. То, что Кольцов, Давиденков, Филипченко и др. в духе времени называли *евгеникой*, на деле было обсуждением проблем генетики человека и медицинской генетики, включая популяционный аспект проблемы. Благодаря этим характерным чертам русского евгенического движения, в его рамках был выработан прочный фундамент для создания медицинской генетики в 1930-х гг. в России.

Русское евгеническое движение. Для удовлетворения глубокого интереса к генетике человека (а также интереса к физико-химическим методам в биологии) чл.-кор. РАН Николай Константинович Кольцов (1872–1940) создал в Москве в 1917 г. Институт экспериментальной биологии, в составе которого был евгенический отдел (Астауров, Рокицкий, 1975).

Кольцов организовал и возглавил Русское евгеническое общество (РЕО) и «Русский евгенический журнал» (с 1922 по 1930 гг. вышло 7 томов по 4 выпуска), с помощью которых успешно консолидировал обширное и разнобразное евгеническое движение. Общество, охватывающее широкий круг вопросов, было организовано «работающими по созданию Отдела расовой гигиены при Социально-гигиеническом музее НКЗдрава» в 1920 г. Учре-

длительное собрание прошло 15 октября, а 1-е заседание, в ИЭБ, – 19 ноября 1920 г. За первый год работы состоялось 19 заседаний; они проходили раз в две недели в ИЭБ. Было заслушано 26 научных сообщений, освещающих научные проблемы, фундамент евгенического учения (эти сообщения не касались практических мероприятий, диктуемых евгеническими идеями). Наследственности у человека было посвящено 6 докладов из 26; генеалогиям – 3; роли естественного отбора в жизни человеческого общества – 2; социальной стороне вопроса – 4; морфологической – 5; общим вопросам евгеники – 6 докладов. Важнейшей задачей РЕО была пропаганда медико-генетических знаний. В 1923 г. дело шло к созданию Общества евгенической пропаганды (при Музее социальной гигиены), но оно не возникло. Впрочем, «Русский евгенический журнал» хорошо выполнял функцию медико-генетического просвещения – «медико-евгенического», как тогда принято было говорить.

В работе Общества принимали участие нарком здравоохранения Н.А. Семашко, профессора Г.И. Россолимо, Д.Д. Плетнев, С.Н. Давиденков, А.И. Абрикосов, нарком просвещения А.В. Луначарский, антрополог В.В. Бунак и многие другие. Работе Общества сочувствовал Максим Горький, ответивший на вопросы Кольцова для Годичного заседания Общества 22 октября 1926 г. «Родословные наших выдвинутых» (Кольцов, 1926), где были приведены также родословные Федора Шаляпина, физиолога Н.П. Кравкова, Леонида Леонова и современных писателей и где было сформулировано основное понятие генетики популяций: «генофонд».

В «Журнале» были впервые напечатаны генеалогии Ч. Дарвина и Ф. Гальтона, рода Аксаковых, рода графов Толстых, потомков сподвижников Петра I барона П.П. Шафирова, декабристов Муравьевых, Бакуниных, А.С. Пушкина, П.Я. Чаадаева, Ю.Ф. Самарина, А.И. Герцена, К.-Э. Бэра, князей П.А. Кропоткина и С.Н. Трубецкого, графа С.Ю. Витте и др.

В кольцовском институте Генетический отдел С.С. Четверикова (противника евгеники) разработал в 1920-е гг. направления, впоследствии давшие своеобразие русской медицинской генетике. Это, с одной стороны, популяционно-

генетическая теория Четверикова, трактовавшая проблему *природы изменчивости и механизмов поддержания ее в популяциях*, и теория роли *случайных процессов в эволюции* Д.Д. Ромашова и его последователей. С другой стороны, это фенотипическая линия исследований школы Четверикова; в цепи «ген–признак» она придавала первостепенное значение *процессу развития*, идущему от гена. Основой этих работ была теория *генотипической среды* Четверикова; к ней относятся исследования *неполного и варьирующего проявления гена*, проведенные Н.В. Тимофеевым-Ресовским, и его *общая схема действия гена*; принцип *флуктуирующей асимметрии* Б.Л. Астаурова; всестороннее изучение Е.И. Балкашиной *наследственных гомеозисов*; концепция *полей действия генов* П.Ф. Рокицкого и др. (Бабков, 1985).

Н.К. Кольцов широко понимал евгенику и включал в нее составление генеалогий, географию болезней, витальную статистику, социальную гигиену и ряд демографических тем. Но, прежде всего, это были инициированные и руководимые им исследования генетики психических особенностей человека, типов наследования цвета глаз и волос, биохимических показателей крови и групп крови, роли наследственности в развитии эндемического зоба, обследование монозиготных близнецов (к 1925 г. в ИЭБ было обследовано 105 пар близнецов Москвы).

Об отрицательном настроении РЕО по поводу мер негативной евгеники говорит, среди прочего, реферат едкого выступления Дж.Б. Шоу «В защиту дегенератов», подготовленный Т. Юдиным. «Если стремления евгеников исполнятся и не будет больше больных, дегенератов, слабых умом и волей, что будет с людьми? Ни минуты покоя, ни дня мира, никто не захочет исполнять будничную работу, для которой вовсе не нужно первоклассной интеллигентности; мы должны иметь массы, которые делают, что им прикажут. Всегда должно быть два класса: один, который находит функции и средства для работы, и второй, который ее исполняет без особых размышлений» (Рефераты, 1922).

В евгенических докладах и статьях Н.К. Кольцов постоянно подчеркивал роль биологического разнообразия (и, шире, желательность естественно сложившихся открытых полииерархических систем, биологических и социаль-

ных). Поэтому то, чем он занимался, говоря о евгенике, нельзя назвать евгеникой в собственном смысле слова. Напротив, все сказанное дает основание утверждать, что Н.К. Кольцов выдвинул *программу исследований в области генетики человека*.

Пропаганда генетических знаний, в том числе применительно к человеку, занимала видное место в евгенике Кольцова. Он читал многочисленные публичные лекции, чрезвычайно популярные в 1920-х. Кольцов рассказывал фабричным работницам, как наследуются признаки у человека и что делать, чтобы будущий малыш рос здоровым ребенком. Большой интерес вызывали его лекции по евгенике на радио. На съезде животноводов в 1923 г. он убеждал участников в необходимости изучать генетику и отказаться от ламаркизма и т. д. На курсах ГИНЗ (Государственный институт народного здравоохранения – ассоциация научных институтов при Наркомздраве в 1920-е гг.) для врачей по санитарии и эпидемиологии 1922 г. его заключительная лекция стала своего рода введением в генетику человека.

Первую в России кафедру генетики организовал Юрий Александрович Филипченко (1882–1920) при Петроградском университете (Медведев, 2006). В изучении количественных признаков статистическими методами у человека заключен исток его евгенических интересов, вылившихся в создание Бюро по евгенике РАН. С 1922 по 1930 гг. вышло 8 выпусков «Известий Бюро по евгенике» (позже – «по генетике и евгенике» и «по генетике»). В 1930 г. Ю.А. Филипченко на основе Бюро создал лабораторию генетики АН СССР, затем преобразованную Н.И. Вавиловым в Институт генетики АН СССР. Ю.А. Филипченко занялся учетом интеллектуального потенциала страны; главной работой этого цикла была «Интеллигенция и таланты» (Филипченко, 1925б). Он провел обследование ученых Петрограда и статистический анализ членов Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге за 80 лет (Филипченко, 1922а, б, 1925а). Он выступал против мер негативной евгеники и за проведение количественной политики народонаселения. Медико-евгеническая программа Филипченко, включавшая изучение наследственности человека путем анкетных обследований, генетическое и евгеническое

просвещение, подачу советов евгенического характера, исключала вмешательство в структуру естественно сложившихся работоспособных биологических полииерархических систем. В контексте сегодняшних представлений она должна быть определена как *медико-генетическая программа*.

Видное положение Филипченко среди биологов Ленинграда сделало его мишенью жестокой травли, организованной И.И. Презентом (тогда морганистом-диалектиком, а затем идеологом Т.Д. Лысенко), которая стала причиной его преждевременной смерти в 1930 г.

О работах евгениста и невропатолога-клинициста Сергея Николаевича Давиденкова (1880–1961), занимавшегося *клиническим полиморфизмом наследственных болезней и генетической гетерогенностью нозологических единиц*, будет сказано позже. Здесь заметим, что в декабре 1927 г. Давиденков учредил Генетическое бюро при Московском обществе невропатологов и психиатров им. А.Я. Корсакова. Бюро работало на базе психиатрической клиники I МГУ.

Социалистическая евгеника. Кольцов, в прошлом близкий к народным социалистам, и Филипченко, прежде социалист-революционер, при коммунистическом режиме отказались от обсуждений политических предпочтений. Напротив, Александр Александрович Серебровский (1892–1948) и Герман Германович Мёллер (Hermann Joseph Muller, 1890–1967) открыто симпатизировали большевизму.

Американский зоолог Мёллер, член-корреспондент АН СССР, будущий Нобелевский лауреат за открытие искусственного мутагенеза, работал в 1933–1937 гг. в СССР. Он пользовался любой возможностью пропагандировать в США и в СССР свою идею «сознательного контроля над биологической эволюцией человека – т. е. контроля человека над наследственным материалом, лежащим в основе жизни в самом человеке». Мёллер подчеркивал: «генетики, принадлежащие к левому крылу, признают, что только социалистическая экономическая система может дать материальную базу и социальные и идеологические условия» для разумной политики, которая будет руководить биологической эволюцией человека «в социально желательном направлении». Он назвал

«пустой фантазией» мысль об изменении наследственности в желаемом направлении и подчеркивал, что не следует изменять гены, следует увеличивать концентрации желаемых генов в человеческом населении. Для этого подходил метод искусственного осеменения здоровых женщин спермой выдающихся доноров. «Многие матери завтрашнего дня, освобожденные от оков религиозных предрассудков, будут горды смешать свою плазму с плазмой Ленина или Дарвина и дать обществу ребенка, наследующего их биологические качества», – писал он И.В. Сталину весной 1936 г.

Евгенические взгляды Серебровского, раннего ученика Кольцова в области генетики (Кольцов отучил его от ламаркизма, и в окопах империалистической войны Серебровский решал задачи математической генетики), практически совпадали со взглядами Мёллера. Важное отличие составляло устремление Серебровского изучать географию болезней и генофонды изолированных людских населений. Но это должно быть отнесено к генетике популяций – той ее традиции, которая создана русскими зоологами и ботаниками (Бабков, 1985).

«Биосоциальная» евгеника. Параллельно с широким, разнообразным, интересным русским евгеническим движением и важной, хотя и более узкой, социалистической евгеникой в Комакадемии недолго существовала маргинальная «пролетарская» или «биосоциальная» евгеника. Суть дела точно передает высказывание Пауля Каммерера, как оно записано А.В. Луначарским. «Согласно теории унаследования благоприобретенных признаков, улучшение жизненных условий, правильное воспитание должно в огромной мере содействовать улучшению всей человеческой породы. При социализме человек сам путем изменения среды будет изменять все человечество на будущие времена» (Луначарский, 1929).

В генетическом просвещении Филипченко и Кольцова особое место занимала критика ламаркизма, альтернативы идеи о неизменности и вечности гена, следовательно, теории гена. В 1925 г. Филипченко писал: «Биосоциальная евгеника, по-видимому, надеется наградить новыми благоприятными наследственными свойствами пролетариат и крестьянство путем чисто внешних влияний, посредством особой

физической культуры. Согласимся на минуту, что это возможно. Но что представляет из себя именно с этой точки зрения тот самый пролетариат, за интересы которого так ратуют сторонники «биосоциальной евгеники»? Раз наследственность приобретенных свойств существует, то, очевидно, все представители этого класса несут на себе следы тех неблагоприятных влияний, которым их отцы, деды и целый ряд более отдаленных предков подвергались в течение длительного ряда лет. Уже в силу этого благоприятных наследственных зачатков, генов наиболее ценных специальных особенностей среди наших многострадальных пролетариев и крестьян должно быть неизмеримо меньше, чем в других классах, живших так долго в особо благоприятных условиях» (Филипченко, 1925в).

Этот аргумент – его повторит другими словами Мёллер (по настоянию Кольцова, несмотря на возражения Вавилова) на дискуссии по генетике 1936 г., вызвал резкую реакцию ламаркистов Комакадемии. «Редко я испытывал так остро и болезненно чувство обиды, как когда я читал, как наиболее умный из буржуазных евгенистов – проф. Филипченко – поучает нашего идеологического союзника, т. Волоцкого, каким образом пролетариат мог бы использовать выводы генетики к своей выгоде», – писал Б.М. Завадовский (Завадовский, 1926). От удара «биосоциальная евгеника» не оправилась.

Стратегия исследований. Серьезным шагом к оформлению медицинской генетики как автономной области исследований стало создание в 1928 г. (когда в значительной мере были выполнены просветительские задачи раннего этапа) нового общества с конкретными задачами и определенными методами исследований.

Ныне вряд ли доступен в полной мере дух 1920-х годов, когда генетика человека именовалась «евгеникой», а Наркомздрав хлопотал об изучении «расовой гигиены» и «расовой патологии». Напротив, у многих читателей сохраняется стойкая идиосинкразия к словам «евгеника» и «расовая гигиена». Дело не только в успешной работе Агитпропа.

Вспомним произведение «Шум и ярость» Фолкнера. Рассказ ведется от лица мальчика с синдромом Дауна. В городке произошло изнасилование. Добропорядочные граждане, чтобы уберечь виновника от наказания и позора, но и

соблюсти «приличия», кастрируют мальчика с синдромом Дауна.

Законы о принудительной стерилизации лиц, которых суд признавал (на произвольной основе) нежелательными для общества, существовали в большинстве штатов США: только в Калифорнии к 1935 г. такой приговор был приведен в исполнение в отношении 12 тыс. человек. Первым штатом, где закон был принят, была Индиана, поэтому принудительная стерилизация именовалась «индианской идеей».

В Европе подобный закон широко и с интересом обсуждался. Он был принят во всех скандинавских странах, в Эстонии и одном из кантонов Швейцарии. В Германии 1 января 1934 г. вступил в силу закон, по которому стерилизации подлежали немцы, страдающие врожденным слабоумием, шизофренией, циркулярным психозом, наследственной эпилепсией, наследственной слепотой, наследственной глухотой, тяжелыми наследственными физическими уродствами и страдающие тяжелым алкоголизмом. «Подготовка к стерилизации – это подготовка к расправе со всеми недовольными элементами», – говорил Г.Г. Мёллер 17 октября 1933 г. в докладе, посвященном критике нацистского закона. Нацисты пошли дальше: душевнобольные немцы были отправлены в газовые камеры ради чистоты расы, но когда эта практика прекратилась, то исходный уровень душевнобольных в населении восстановился.

Евгеника в США имела еще одну отвратительную черту. Евгенисты посредством строго избирательного анкетирования аргументировали тезис о превосходстве во всех отношениях северо-западной расы; за ними шла центрально-европейская, затем средиземноморская раса и т. д.; замыкали шкалу китайцы, цыгане, евреи и негры. На эти наукообразные фальсификации опирались расисты-политики, принявшие в 1924 г. закон об ограничении иммиграции представителей «низших рас».

Нацисты Третьего Рейха пропагандировали идею ранга расы и называли нордическую расу высшей. Впрочем, итальянцы и японцы получили высокий ранг, когда стали союзниками Рейха. Они выдвинули лозунг борьбы «высшей расы» за установление «нового порядка», исключавшего возможность достойной жизни большинства человеческих рас. В наши дни

расизм существует в форме пропаганды идеи, что «золотой миллиард» людей достоин жить за счет остального человечества.

В 1940 г. большая группа немецких евреев зафрахтовала пароход «Сент-Луис» до Нью-Йорка в надежде воссоединиться с американскими родственниками и избежать угрозы концлагеря. Служба иммиграции и натурализации США на основе закона 1924 г., запретила им въезд в страну и вернула пароход с пассажирами в Германию, в руки нацистов.

В США и некоторых странах Западной Европы евгенические движения развивались изолированно от генетики (важным исключением был Р. Фишер в Великобритании: евгенические интересы привели его к формулированию принципов генетики популяций), а крупные генетики в первую треть 20-го века дистанцировались от евгеники. В 1932 г. III Международный евгенический конгресс проходил в Нью-Йорке 21–23 августа, тогда как VI Международный генетический конгресс – в Итаке 24–31 августа, так что два конгресса, посвященных двум автономным областям исследований, смешались в один совместный. Поскольку генетики не желали брать ответственность за чужую область деятельности, то на VI Генетическом конгрессе было принято решение впредь устраивать только генетические конгрессы, но не совместные; в их рамках генетику человека надлежало трактовать с тех же позиций, что и генетику любых растительных и животных объектов. На этом фоне специфическая черта русского евгенического движения состояла в том, что оно было основано и направлялось пионерами генетических исследований. Именно поэтому русское евгеническое движение дало основу для создания медицинской генетики, провозглашенной в качестве автономной области исследований на Конференции 1934 г.

Очевидно, что в 1920-е гг. будущие эксцессы расистов-евгенистов и расовых гигиенистов не были предвидены. «Евгеника» и «гигиена расы» были почтенными выражениями, имевшими хождение во всем мире. Анализ понятия *раса* (т. е. *подвид*) дал антрополог В.В. Бунак в статье «Термин “раса” в зоологии и антропологии» (Бунак, 1930).

В соответствии с предпочтениями времени организация для изучения генетики популяций

человека и географического распространения средовых и наследственных предрасположений к болезням, основанная весной 1928 г., получила наименование «Общество по изучению расовой патологии и географического распространения болезней» (ОРП). Первое организационное собрание Общества состоялось 14 ноября 1928 г. Председателем был избран проф. Н.К. Кольцов; заместителями – профессора А.К. Богомолец, С.Н. Давиденков, Д.Д. Плетнев и А.Н. Сысин; казначеем – проф. В.В. Бунак; секретарем стал Г.А. Баткис (он займется разрушением Общества изнутри). Членами правления были: профессора А.И. Абрикосов и Т.И. Юдин; кандидатами: доктора наук А.Г. Галачьян, М.А. Колдобский, С.Г. Левит и Н.Е. Лямин, а также В.В. Сахаров. Членами ревизионной комиссии: профессора А.С. Серебровский и А.А. Андреев; д-р И.Д. Певзнер; кандидатами: профессора В.В. Николаев и В.Н. Лебедев. Среди членов-учредителей Общества, не принявших участие в заседаниях, были профессора С.С. Четвериков (в начале 1929 г. он был арестован по политическому обвинению, в середине года повторно арестован и выслан из Москвы) и Г.И. Россолимо (умерший до начала работы Общества). В марте–мае 1929 г. прошло 4 научных заседания Общества под председательством проф. Плетнева; на 25 мая 1929 г. было 50 членов Общества.

Бросается в глаза участие в ОРП нескольких открытых противников евгеники. С.С. Четвериков, человек глубоко верующий, не принимал евгенику на том основании, что человек не дрозофила или гречиха, и применять искусственный отбор к человеку неприемлемо; напротив, целью нового Общества была адаптация к человеку задач и методов популяционной теории Четверикова и его теории генотипической среды. Большевик С.Г. Левит отвергал евгенику как буржуазную псевдонауку; напротив, новое Общество предоставляло возможность заняться оформлением подходов медицинской генетики, свободной от евгеники и расизма. Отметим также, что антропогенетика и евгеника А.С. Серебровского включала, помимо евгеники Г.Г. Мёллера, именно проблемы, поставленные для решения Обществом.

ОРП, как показало первое полугодие его работы, конкретностью задач отличалось от РЕО с широчайшим кругом интересов и масштабом

исследований – от маленького Евгенического отдела ИЭБ. Новое общество представляло собой эскиз будущего Медико-генетического института, давшего основу для создания медицинской генетики. Однако развитие событий 1929–1930 гг. не оставило возможности для существования ОРП и РЕО.

Конец евгеники. Весьма благоприятный для научных исследований период 1920-х гг. резко оборвался в начале «великого перелома» (пятилеток и коллективизации) и «культурной революции», открывших сталинский период отношений государства и науки. Тогда все «русские» журналы, а их было несколько десятков, были ликвидированы или сменили имя и ориентацию; например, журнал «Русская клиника», издаваемый в 1924–1930 гг. ЦЕКУБУ, стал «Советской клиникой». То же случилось и с другими: ряд специальных журналов был ликвидирован; «Естествознание и марксизм» был переименован и стал «За марксистско-ленинское естествознание»; постановление ЦК разъясняло, чем следует заниматься журналу «Под знаменем марксизма» и т. п. Непрерывные атаки на автономию специалистов «снизу», хорошо организованные и скоординированные с мероприятиями высшего начальства, были весьма эффективны.

Подавлению академических свобод способствовал ряд мер, среди которых: большевизация Академии наук в ходе выборов 1928–1931 гг.; реформа университетов и закрытие ряда научных обществ в 1929–1930 гг.; инсценированные «Шахтинское дело», «дело Академии наук», процессы «Промпартии», «Союзного бюро», «ТКП» и др. Арестам и казням предшествовали широкие газетные кампании и организованные «требования народа». Впрочем, важные и сами по себе, для запугивания публики и превращения структурированного общества в безликую массу.

Характерным для «Культурной революции» было резкое снижение влияния ЦЕКУБУ, комиссии по улучшению быта (главным образом, спасению от голода и холода) ученых, артистов, поэтов и т. п., созданной в 1921 г. при участии Максима Горького и поддержке Ленина, и замена ее новой организацией – ВАРНИТСО – Ассоциацией работников науки и техники для содействия социалистическому строительству под руководством

академика Баха. Негласной целью ассоциации была *атомизация* научного сообщества – часть общего устремления сталинской политики на ликвидацию общественного сознания народа, превращение общества в запуганную, хорошо управляемую людскую массу, которая уже сама будет сдерживать и принижать до своего уровня яркие индивидуальности и уничтожать их. Явной задачей ассоциации в связи с новым требованием *партийности* стала ликвидация нейтральности специалистов: раскол интеллигенции на «*наших*» и «*не наших*». Отвечая на апрельский 1929 г. пленум ЦК, ассоциация постановила «вызвать на соревнование ОГПУ» в деле «раскрытия вредительства».

Подавлять в первую очередь следует независимую крупную личность, которая дает пример многим другим. Н.К. Кольцов входил в V категорию ЦЕКУБУ – ученых с мировым именем (74 из 13 922 научных работников РСФСР); он был очевидной мишенью атак приспешников Сталина. В его Институт были направлены «варнитсовка» М.Л. Рохлина и «партийка» Д.З. Комиссарук, провокаторы со стажем, чтобы организовать фронт атак на *буржуазных ученых* (Варнитсовец, 1930; Рохлина, 1930; Соболева, 1930).

Евгеника оказалась удобной мишенью идеологической критики. Б.М. Завадовский еще в 1925 г. писал о Кольцове: «... попытки буржуазных биологов сделать из законов генетики и менделизма выводы, явно направленные своим острием против власти пролетариата, и провозгласить революцию противоевгеническим фактом, как победу “черной кости” над “белой костью”, заставляют даже биологов-марксистов отшатнуться от генетики ...» и «... что нам здорово, то Кольцову – смерть» (Завадовский, 1925). Тогда Кольцов дал должный ответ.

В 1929–1930 гг. обстановка стала иной. В январе 1930 г. Н.А. Семашко, покровитель ИЭБ, был снят с поста наркома здравоохранения. А.В. Луначарский, другой влиятельный благодетель Кольцова, потерял пост наркома просвещения в сентябре 1929 г. Деятельность провокаторов внутри ИЭБ привела в 1929 г. к скандалам, поставившим на грань ареста Н.К. Беляева и Б.Л. Астаурова, учеников Н.К. Кольцова. Несмотря на хлопоты Горького и Семашко, был арестован и выслан С.С. Четвериков. Генетический отдел ИЭБ шаг за шагом рассыпался.

Идеологические кампании включают прием жесткой критики второстепенных подробностей и распространения необязательной нелепости и ее критики на объект атак в целом. В евгеническом движении такую легкую добычу предоставил критикам А.С. Серебровский. Рассуждая о геногеографии и генофонде человека, он утверждал: «... если бы нам удалось очистить население нашего Союза от различного рода наследственных страданий, то, наверное, пятилетку можно было бы выполнить в 2½ года» (Серебровский, 1929). Серебровский зашел слишком далеко, демонстрируя общедоступность обсуждения перспектив пятилетки, что Сталин не без основания считал собственной привилегией. С критикой идеи *позитивной евгеники* выступил идеолог А. Максимов; Демьян Бедный высмеял их поэмой, занявшей треть полосы «Известий». Серебровский, говоря языком газет, *признал ошибки и разоружился* (Серебровский, 1930), и из-за этого 18 лет не мог перейти из кандидатов в члены ВКП(б). Более тяжелые последствия эта история имела для Н.К. Кольцова и его Института экспериментальной биологии.

14 и 24 апреля 1931 г. прошло инспирированное Сталиным общее собрание Общества биологов-материалистов, о котором Ф.Г. Добржанский отзывался так: «происходившее было генеральной репетицией грандиозных конференций, поставленных позже Лысенко с целью устроить процесс генетики и ее осуждение». В основном докладе Б.П. Токин (не дотягивавший до Презента и Лысенко и позже отошедший в тень) требовал «организовать изучение и разоблачение» «механистической школы» Н.К. Кольцова. Он отметил «единственную, но неудачную» попытку С.Г. Левита использовать работы Ленина для разрешения «проблемы внешнего и внутреннего в явлениях изменчивости и наследственности». Н.К. Кольцов на собрании утверждал, что генетика должна быть поставлена в основу селекционной работы, и требовал ответа на вопрос, который следует признать пророческим: «С чем должны идти биологи-материалисты на строительство сельского хозяйства: с генетикой или ламаркизмом?» (Против механистического материализма..., 1931, С. 49). Ответ Г.А. Баткис назвал Н.К. Кольцова «руководителем реакционной партийной биологии», а

председатель Общества Б.П. Токин «отверг попытку» Кольцова «возглавить позицию единства теории и практики». Г.А. Баткис при поддержке Б.П. Токина обвинил медицинскую генетику Левита в идеологических ошибках. В Обществе расовой патологии, говорил он, «получился альянс представителей реакционной партийной биологии с представителями “социалистической” евгеники. Ничего удивительного в этом нет, потому что “социалистическая” – это только фиговый листок для проникновения сюда того же самого, т. е. партийной ленцевской биологии» (Против механистического материализма..., 1931, С. 57–58).

Резолюция собрания постановила организовать бригаду по разбору работ Кольцова под руководством организатора его травли Д.З. Комиссарук и при участии Рохлиной. Статьи против Н.К. Кольцова и Ю.А. Филипченко печатали теперь Э. Кольман (1931) и И. Презент (1931). Итог антикольцовской кампании подвел Баткис в статье «Евгеника»: «В СССР Н.К. Кольцов пытался перенести в советскую практику выводы фашистской евгеники ...» (БСЭ, 1931).

Почему Сталин велел идеологам заняться евгеникой? Потому ли, что движение было «русским», а не «большевистским»? Или же оно было слишком вольнодумным, на его взгляд? Желал ли он показать, кто на деле имеет власть определять политику народонаселения? Или же он страдал от подозрения о своей неевгеничности? Вспоминал ли он, богоборец, детскую веру, что человек таков, как он создан Творцом? Или же желал уничтожить всякие ассоциации с ненавистным Троцким, патроном некоторых областей биологии человека, в особенности психологии и психоанализа?

Разгром трех «П» (педологии, профкабинетов, психоанализа) не заставил себя долго ждать. В ретроспективе очевидно, что ликвидация евгеники была первой атакой Сталина на биологию человека и теорию гена и продолжением атак на академическую автономию.

Целью антикольцовской кампании была ликвидация ИЭБ; в апреле 1932 г. к этому шло дело. Однако Кольцову помог Максим Горький. В очередной приезд в Россию он передал Сталину из рук в руки письмо Кольцова, а Сталин был тогда заинтересован в Горьком! Это произошло 13 мая 1932 г. На следующий день новый нарком

М.Ф. Владимирский, обычно вялый и нерешительный, железной рукой «восстановил единоначалие директора и устранил ряд досадных мелочей, которые делали тогда мое существование совершенно невозможным», – вспоминал впоследствии Кольцов (Бабков, 1989).

В 1920–1930-е гг. Дзига Вертов развивал методы «cinéma-vérité» в своей кинохронике «Кино-Глаз»: следовало подсматривать реальных людей в реальной жизни. Монтируя в 1934 г. «Три песни о Ленине» и даже в 1930 г. «Энтузиазм (Симфония Донбасса)», он пришел в ужас от измененного поведения и нового антропологического типа людей, возникшего в 1929–1930 г., «год великого перелома!» Пришлось ему взять съемки людей из «Кино-Правды», ежемесячной хроники 1922–1925 гг.

Желая сохранить то, что можно, Кольцов закрыл Евгеническое отделение ИЭБ; он передал темы и сотрудников в Институт С.Г. Левита. В ходе кампании Кольцов предпочел прекратить издание «Русского евгенического журнала» (в 1930 г. он влился в «Биологический журнал» Кольцова) и деятельность Русского евгенического общества. Без них работа по генетике человека и медицинской генетике в стране распалась на ряд изолированных островков, которые не могли дать прорыва.

Медико-генетический институт С.Г. Левита

Соломон Григорьевич Левит (1894–1938) по окончании МГУ и службы в Красной Армии в 1921–1928 гг. работал в Отделении клинической терапии проф. Д.Д. Плетнева; в 1925 г. стажировался в Германии; в 1929 г. опубликовал монографию «Геморрагические диатезы. Болезнь Верльгофа и сходные с ней патологические формы». В 1926–1930 гг. он был ученым секретарем Общества врачей-материалистов при Комкадемии. Одно время Левит держался лamarкистских воззрений. Это обычно для врача, физиолога, воспитателя, физкультурника: они наблюдают, так сказать, унаследование приобретаемых в индивидуальном развитии свойств и переносят наблюдение на развитие историческое. Но он быстро освоил современную генетику. Левит даже прошел полный дрозофильный практикум у А.С. Серебровского и стал, таким

образом, научным внуком Н.К. Кольцова.

В конце 1928 г. С.Г. Левит создал Кабинет наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте. МБИ был основан В.Ф. Зелениным в 1924 г. как Клинический институт функциональной диагностики и экспериментальной терапии. Кабинет был «предтечей» Медико-генетического института, дело жизни Левита.

Основные задачи Кабинета совпадали с задачами Общества расовой патологии. Это были: составление топологической карты хромосом человека (задача Т. Моргана: выяснение локализации генов на определенном участке хромосомы, на ином, несопоставимо более сложном объекте; ее преемником стал проект «Геном человека»); далее изучение географического распределения генофонда населения СССР (распространение на человека русской традиции эволюционной генетики С.С. Четверикова, А.С. Серебровского, Н.И. Вавилова); дифференциация патологических форм по данным генетики (новая задача, для нее были важны теория *генотипической среды* Четверикова, а также изучение *генетической гетерогенности нозологических единиц* Давиденковым).

Работа Кабинета включала стационарное изучение локальной популяции человека (на антропогенетической станции в селе Петровском); изучение близнецов, одно- и двуйцовых; сбор генеалогий. В 1929 г. вышли «Труды Кабинета», том I (№ 4/5 «Медико-биологического журнала», С. 1–116). В программной статье «Генетика и патология. (В связи с современным кризисом медицины)» С.Г. Левит опирался на последние достижения русской и американской генетики для новой постановки вопросов этиологии патологических форм. «Передовая генетическая теория способна вывести клиническую практику из кризиса», – утверждал С.Г. Левит. (Заметим, что именно тогда, в декабре 1929 г., Сталин провозгласил отставание теории от практики и требовал находить такое отставание во всех областях деятельности).

В 1930 г. Кабинет был расширен до Генетического отделения. С.Г. Левит стал директором МБИ и переориентировал его на генетику человека, когда В.Ф. Зеленин впал в немилость и потерял некоторые из высоких постов («Зеленин» – видный клиницист-терапевт, – читаем

в 10-м томе БМЭ (1929); из верстки 26-го тома БСЭ (1933) его биография была изъята. «Труды МБИ», том II (№ 4/5 «Медико-биологического журнала», 1930, С. 273–448), открывались статьей С.Г. Левита «Человек как генетический объект и изучение близнецов как метод антропогенетики». Тогда же МБИ им. М. Горького разместился в новом роскошном комплексе зданий в конструктивистском стиле на улице Калужской, напротив загородной усадьбы, где теперь находится президиум РАН.

В декабре 1930 г. С.Г. Левит по Рокфеллеровской стипендии уехал к Мёллеру и провел год в его Техасской лаборатории. Вернувшись в начале 1932 г. в Москву, С.Г. Левит узнал, что он больше не директор. Только что назначенный исполняющим обязанности директора Б.Б. Коган свернул генетические исследования в пользу клинических исследований. С.Г. Левит провел полгода в Отделении патофизиологии 2-го мединститута. Он добился поручения ЦК и занялся восстановлением генетики в МБИ (помогавшие ему друзья говорили, что это «равносильно самоубийству»).

«С осени 1932 г. Институт после 8-месячного перерыва снова сосредоточился на разработке проблем биологии, патологии и психологии человека путем применения новейших достижений генетики и смежных дисциплин (цитологии, механики развития, эволюционного учения). Основные работы Института пошли по трем руслам: клинко-генетическому, близнецовому и цитологическому» (предисловие к «Трудам МБИ», Т. III, 1934, 284 с.).

В день 5-летия Института (март 1935 г.) он получил название Медико-генетический, что отвечало тематике и методам. Работы 1934 и начала 1935 гг. составили т. IV «Трудов МГИ» (М.; Л., 1936, 543 с.). Том открывался работой С.Г. Левита «Проблема доминантности у человека». Теория эволюции доминантности Р. Фишера, согласно которой вновь возникающие мутантные гены рецессивны, была общепринятой. С.Г. Левит показал, что у человека большинство мутантных генов, в том числе патологических, – доминантны, с низким и варьирующим проявлением. Он развил конкурирующую гипотезу, не понятую западными коллегами. Однако в свете работ школы Кольцова–Четверикова 1920–1930-х гг. следует признать гипотезу С.Г. Левита более

адекватной. Заметим, что Н.С. Четвериков и др. перевели на русский язык пионерскую книгу Фишера «Генетическая теория естественного отбора», где, в частности, обсуждалась эволюция доминантности. Материалы книги широко обсуждались и серьезно комментировались; но перевод, к которому проявлял интерес автор, не был напечатан из-за ликвидации МГИ.

К концу 1933 г. Медико-биологический институт им. М. Горького располагал: отделениями – генетики, цитологии, экспериментальной патологии, внутренних болезней; кабинетами – психиатрии, одонтологии, психологии, конституции и биометрии, а также рядом обслуживающих научную работу кабинетов – рентгеновским, физиотерапевтическим, патологоанатомическим и др.

Планировалась организация всех разделов клинической медицины (глазные, ушные болезни и др.); расширение психологического кабинета, где работал знаменитый фрейдомарксист А.Р. Лурия (он был сторонником идеи о человеке как социальном существе и с недоверием относился к генетике); превращение кабинета конституции в антропологическое отделение. Таким образом, С.Г. Левит, поначалу сузив направление МБИ, теперь возвращал Институту те отделы, которые были при В.Ф. Зеленине (клинический, физиологический, биохимический, патофизиологический, эндокринологический), но ставил их на новый мощный теоретический фундамент.

Среди конкретных работ МБИ следует обратить особое внимание на замечательное теоретическое исследование В.П. Эфроимсона 1932 г. Анализируя равновесие между накоплением мутаций и интенсивностью отбора, он рассчитал темп мутационного процесса у человека (Эфроимсон, 1932а, б). В это время В.П. Эфроимсон был арестован по политическому обвинению, а в 1933 г. осужден ОГПУ по ст. 5810–11 на три года исправительно-трудовых лагерей. Через отца он из тюрьмы передал текст статьи для зачитания на семинаре. Статья не была опубликована; вскоре Холдейн независимо сделал аналогичную работу (Haldane, 1935). Приведу ответ С.Г. Левита на вопрос С.Н. Давиденкова об оценке уровня мутационного процесса у человека в планах МГИ на 1937-й год: «...На эту тему вышла недавно

работа Холдейна. Надо сказать, что у нас была сделана такая же работа года четыре тому назад и чисто случайно она не была опубликована. Причем у нас шла речь не только о гемофилии [как у Холдейна], но о целом ряде наследственных признаков человека, которые ведут к уменьшению размножаемости. Безусловно, это важная задача, и этим надо заниматься...» (Стенограмма дискуссии..., 1937).

К *клинико-генетическому анализу болезни* относилось, в первую очередь, изучение этиологии болезней, т. е. выяснение, в какой мере данная болезнь обусловлена наследственными факторами (и каков тип наследования) и в какой мере и какими именно факторами среды. Из достижений МБИ в этой области выделялась работа проф. С.Н. Давиденкова (он закончил это исследование в Институте усовершенствования врачей в Ленинграде) о боковом амиотрофическом склерозе, этиология которого оставалась неясной. С.Н. Давиденков выяснил, что причиной болезни является один доминантный ген с неполным проявлением и варьирующим выражением. Носители гена, у которых обнаруживаются лишь зачаточные формы болезни, больными себя не считают; поэтому до работы С.Н. Давиденкова не удавалось выяснить наследственную природу болезни. Аналогичное клинико-генетическое исследование сиригомиеэлии провели Н.А. Крышова и Л.М. Духовникова, сотрудники С.Н. Давиденкова.

Большое значение МБИ придавал обследованию одно- и двуйцовых близнецов. Близнецовый метод, предложенный Ф. Гальтоном, начал использоваться в Евгеническом отделе ИЭБ (работы Г.В. Соболевой и др.), но по размаху работ Институт Левита вышел на первое место в мире. В конце 1933 г. обследованием было охвачено 600 пар близнецов, весной 1934 г. – 700 пар, а весной 1937 г. – 1700 пар. В МБИ близнецы изучались врачами всех специальностей; им оказывалась необходимая медицинская помощь; при МБИ был детский сад (на 7 пар близнецов в 1933 г.); по предложению С.Г. Левита в консерватории обучалось 5 пар близнецов для выяснения более эффективных методов обучения. К 1933 г. применение близнецового метода дало результаты в выяснении роли наследственности и среды в физиологии и патологии ребенка, в из-

менчивости электрокардиограммы, некоторых психических признаков и т. д. Другой круг вопросов касался корреляций различных функций и признаков организма; третий был посвящен выяснению сравнительной эффективности различных способов обучения и целесообразности того или иного воздействия.

Первая задача, которую следовало решить Институту в рамках цитологического исследования человека, – найти доступный метод изучения и подсчета хромосом человека. Метод подсчета хромосом в делящихся лейкоцитах крови, выращиваемых в культуре ткани, разработал Г.К. Хрущов. (1930-е годы диплоидным числом считалось 48; набор из 46 хромосом у человека был установлен лишь в 1956 г.). Проверкой предположения об изменении хромосом человека при лейкемии занимался А.Г. Андрес. Ко времени ликвидации МГИ в 1937 г. сотрудники Института вплотную подошли к открытию хромосомных aberrаций у человека; это открытие было сделано спустя 20 лет учеными Франции, США, Англии.

Н.С. Четвериков и М.В. Игнатъев занимались разработкой вариационно-статистических методов для интерпретации получаемых данных. Л.Я. Бляхер и другие исследовали проблемы регенерации и т. п.

При выдающемся прогрессе исследований за короткий срок (около полутора лет) следовало оценить перспективы.

Рождение науки

4 апреля 1934 г. после предварительных переговоров в начале года председатель Ученого медицинского совета (УМС) Наркомздрава РСФСР проф. Е.И. Марциновский направил проф. С.Г. Левиту краткое письмо с просьбой взять на себя, от имени УМС, «организацию широкого совещания, посвященного вопросам генетики».

С.Г. Левит назвал широкий и весьма представительный состав совещания, наметил семь докладов по крупным проблемам, назначил дату. В ответ на запрос о 3 тыс. рублей для «лиц с периферии» Марциновский распорядился перевести на счет МБИ 2 тыс. рублей из средств УМС. На этом бюрократическая часть дела закончилась (ГА РФ. Ф. 482. Оп. 25. Д. 835).

Конференция по медицинской генетике

прошла 15 мая 1934 г. в Медико-биологическом институте.

Во вступительном слове С.Г. Левит указал характер конференции: «... поскольку сегодняшняя конференция является первой в истории советской биологии и медицины, она имеет одну специфическую задачу», а именно: «наметить принципы исследований в этом направлении, пределы и области применения достижений генетики».

Последующие конференции (ближайшая будет назначена на осень 1936 г. в Киеве) должны заниматься по преимуществу конкретными исследованиями, т. е. там будет много кратких сообщений по частным вопросам. Но задаче дня отвечают семь докладов, крупными мазками рисуящие состояние области исследований в момент ее рождения, проблемы, подлежащие решению, и должные методы. Вот их список (Конференция..., 1934):

1. Проф. Г.Г. Мёллер. Некоторые основные этапы развития теоретической генетики и их значение с точки зрения медицины.
2. Проф. Н.К. Кольцов. Роль генетики в изучении биологии человека.
3. Проф. С.Г. Левит. Объем и задачи курса генетики для студентов-медиков и врачей.
4. Проф. С.Н. Давиденков. Генетика и клиника.
5. Проф. Т.И. Юдин. Конституция и генетика.
6. Проф. В.В. Бунак. Конституциональные типы в генетическом освещении.
7. А.Г. Андрес. Вопросы медицинской кариологии.

Отметив известные недостатки человека как объекта генетического исследования: невозможность эксперимента, малочисленность потомков пары, длительность периода полового созревания и пр., С.Г. Левит указал на ряд его преимуществ в этом отношении. Это «совершенно исключительная изученность человека в морфологическом и физиологическом отношениях, позволяющая, в частности, проводить тонкие различия там, где дело идет о фенотипически весьма сходных явлениях»; и далее «... тот факт, что лишь человек обладает в развитем виде тем особым качеством, которое мы называем психикой и которое главным образом благодаря человеку является новым объектом

генетического анализа»; затем – это наличие у человека как одно-, так и двуяйцовых близнецов, «представляющих собой исключительно благоприятный объект для изучения в особенности генетики количественных признаков и динамики их развития»; наконец, «почти полное отсутствие естественного отбора в современном человеческом обществе, вследствие чего громадное количество патологических генов, которые в диких условиях погибли бы, сохраняются в популяции человека, представляя, таким образом, богатый материал для генетических и генетико-географических исследований» (Конференция..., 1934, С. 4).

Левит разбирает проблемы доминирования и соотношения наследственности и среды («nature vs. nurture» англичан) и ряд других вопросов, которые он относит к сфере генетики человека. Но «антропогенетика», или генетика человека, означает лишь частную генетику еще одного вида животных – *Homo sapiens*.

Применение генетики человека к медицине и психологии оказывается чрезвычайно плодотворным; обогатив их, генетика человека получает возможность новых теоретических открытий. С.Г. Левит рассматривает воздействие генетики на новую формулировку задач кардинальных разделов медицины – этиологии, патогенеза и нозологии. Он разбирает вопрос о стертых формах болезней (*formes frustes*) в свете генетических концепций, разработанных Н.К. Кольцовым, школой С.С. Четверикова, С.Н. Давиденковым, А.С. Серебровским.

С.Г. Левит подчеркивает, что «наибольший интерес с точки зрения практической медицины представляет вопрос о том, что может дать генетика для профилактики и терапии», и описывает три группы перспектив. «Сюда относится, во-первых, одно обстоятельство, вытекающее из вышеуказанной возможности, которую доставляет генетика в деле дифференциации болезней. Ведь *a priori* как будто не может вызвать сомнения то обстоятельство, что если две болезни различны по своей биологической природе, то мыслима и различная терапия их. Приходится, однако, констатировать, что эта возможность является до сих пор, за исключением отдельных случаев, далеко еще не реализованной и требует поэтому к себе пристального внимания врачей-генетиков».

«Другая перспектива для профилактики и терапии открывается недавно доказанной вышеупомянутой возможностью констатировать, пользуясь методами генетики, зачаточные формы болезней. Совершенно ясно, что чем больше мы эти последние узнаем и чем более изученными явятся те моменты, которые эти зачаточные формы переводят во вполне развитые болезни, тем более эти факты могут быть использованы для указанных практических целей. В этом направлении работы лишь только начались, и их необходимо всячески форсировать».

«Третья возможность использования генетики в целях терапевтических открывается экспериментами на однойцовых близнецах (воздействие на одного из партнеров и оставление второго в качестве контроля). Не буду на эту тему долго распространяться, поскольку в печати уже находятся соответствующие работы. Скажу лишь, что уже первые опыты в этом направлении дали чрезвычайно ободряющие результаты, особенно по изучению *длительности* получаемого положительного терапевтического эффекта. Опыты подобного рода следует рекомендовать ставить *largamam*, – тем более, что они в смысле своей постановки поразительно просты» (Конференция..., 1934, С. 11–12).

С.Г. Левит мимоходом признает, что советская наука «отстает от требований, предъявляемых практикой социалистического строительства», и привлекает внимание к быстрому развитию теоретической медицины. Он заключает вступление словами: «На наш великий Союз выпала честь превратить то чахлое оранжерейное растение, которое вырастил капиталистический мир и которое получило у нас название *медицинская генетика*, в крепкое дерево, в крупную науку, свободную от отвратительных наростов, созданных расистами и буржуазными евгенистами, и служащую делу социализма, делу советского здравоохранения» (Конференция..., 1934, С. 16).

Так С.Г. Левит и другие докладчики, каждый из которых внес оригинальный вклад в общее дело, определили предмет новой автономной области исследований. 15 мая 1934 г. новая наука получила официальное наименование: «медицинская генетика».

Резолюция Конференции

Замечательные клиницисты, обладающие широким кругозором и интересом к смежным областям исследований, Д.Д. Плетнев, С.Н. Давиденков, представитель последнего их поколения С.Г. Левит получили образование на медицинских факультетах университетов. Солидный естественнонаучный фундамент, необходимый для постановки новых вопросов, был в немалой степени обязан благотворной атмосфере первых университетских семестров, знакомивших студентов-медиков с физикой, химией, зоологией и др. на общеуниверситетском уровне. Но в 1930 г. медицинские факультеты в университетах были ликвидированы. На базе университетских клиник были созданы медвузы с усеченной программой, которые выпускали узких специалистов низкого уровня. Официальное признание этого факта последовало летом 1934 г., когда были объявлены изменения в системе медицинского образования. Устанавливался пятилетний курс обучения. На первых 5 семестрах вводилась единая программа с повышенной общетеоретической подготовкой. Устранялась ранняя специализация. Ликвидировалась заочная подготовка врачей.

Новая наука может получить полную жизнь только при следующих условиях: если у ее истока стоят крупные ученые; ведутся конкретные исследования; имеются исследовательские структуры и научная печать; наконец, готовятся специалисты, т. е. существует программа преподавания, учебник, дополнительная литература. Естественно, что Конференция, провозгласившая новую науку, озаботилась подготовкой квалифицированных исследователей.

С.Н. Давиденков сообщил о впечатлении от своего необязательного курса «Введение в общую и медицинскую генетику», прочитанного в последний год в Ленинградском институте для усовершенствования врачей: «Я могу засвидетельствовать о совершенно исключительном интересе, который обнаружили слушатели к этому курсу, равно как и о том, что степень их неподготовленности превосходила все мои ожидания». Он завершил доклад (первый вариант озаглавлен: «О месте медицинской генетики во врачебном образовании и в системе органов здравоохранения») выводами: «1. Необходимо

ввести преподавание общей и медицинской генетики в наших медвузах и в особенности в институтах для усовершенствования врачей. 2. Ввиду необходимости приступить к организации в СССР медико-евгенической консультации, необходимо озаботиться воспитанием соответствующих квалифицированных кадров для этой работы» (Конференция..., 1934, С. 42).

В резолюции Конференции предлагалось учредить исследовательские центры медицинской генетики и цитологии во всей стране, кабинеты при крупных клиниках и НИИ, кафедры на курсах усовершенствования врачей и в медвузах, издать учебник по медицинской генетике и цитологии, расширить аспирантуру МБИ и проч.

Курс генетики для врачей. Доклад С.Г. Левита был посвящен задачам курса генетики для студентов-медиков и врачей на основе анализа курса, прочитанного в МГИ в 1933–1934 гг. Курс (14 глав, 51 час.) был построен на кратко упомянутых выше принципах С.Г. Левита изучения здорового и больного человека. Самые замечательные разделы программы курса, читанного в 1933–1934 гг., были основаны на теориях С.С. Четверикова и его школы и на теории С.Н. Давиденкова, необходимых для понимания природы стертых форм болезней, следовательно, для их лечения. При составлении курсов в 1970-е гг. эти выдающиеся достижения были в значительной мере забыты.

Как следует оценить эту программу (Конференция..., 1934, С. 70–71) с позиций нашего дня? В ней недостает представления об автокатализе в воспроизведении *молекул наследственности* и принципа *конвариантной редупликации*. Нет здесь *двойной спирали* ДНК Уотсона–Крика (25 апреля 1953 г.); нет *центральной догмы* Френсиса Крика (наследственная информация передается от нуклеиновых кислот к белкам, но не наоборот, 1958 г.); нет сегодняшних *цитогенетики*, *биохимии*, *генетической инженерии*, проекта «*Геном человека*» и многого другого. Но все эти понятия можно встроить в имеющуюся структуру и изъять лишние. В этом смысле программа курса генетики для врачей 1933/34 гг. может трактоваться как основа *общей части* сегодняшнего курса медицинской генетики. Материалы для *специальной части*, практически все, были получены после второй мировой войны.

«Буржуазная евгеника» начала века утерьяла актуальность (между прочим, в 1980-е *позитивной евгеникой* стали обозначать нечто иное, чем в начале века – проект пересадки генов для повышения умственных и физических способностей человека). Зато в программу следует включить вопросы медицинской этики, этики биологических исследований и другие активно обсуждаемые в последние десятилетия вопросы. Заметим, что формулу «меньшевистствующий идеализм» Сталин разъяснил партбюро Института красной профессуры в декабре 1930 г. При предъявлении публике эта формула была применена в числе десяти лиц и к С.Г. Левиту.

Когда 3 марта 1935 г. Бюро УМС приняло решение по результатам Конференции, то в одном отклике была упомянута формула 1930 г. Директор Института патофизиологии 1-го ММИ проф. С.С. Халатов увидел в нем вмешательство во внутренние дела института. В докладной записке в деканат Лечебного факультета он подчеркнул: «Попытка свернуть курс патологической физиологии в вузах и вернуться к рутине морфологического направления курса старой общей патологии не раз возникала из недр меньшевистско-идеалистических тенденций в высшей школе, но всегда разоблачалась как реакционная, идущая во вред подготовке кадров. Такая попытка в последний раз была сделана С.Г. Левитом во II ММИ, когда ему было предоставлено заведывание кафедрой патологической физиологии в 1932 г., причем С.Г. Левит начал преподавать под видом патофизиологии «общепатологическую медицинскую генетику». Такая попытка провалилась как вредящая подготовке кадров, а Левит был принужден оставить эту кафедру. Всякие попытки навязать курсу патологической физиологии медицинскую генетику исходят из этих же установок и в настоящее время, несомненно, должны считаться реакционными...» (ГА РФ. Ф. 482. Оп. 25. Д. 835. Л. 37).

Некорректное выступление профессора, не желавшего отдавать свое лекционное время чуждой ему науке, не имело последствий: даже после смерти Е.И. Марциновского (летом предыдущего года) УМС был настроен в пользу медицинской генетики; кроме того, С.Г. Левит располагал поддержкой со стороны наркома здравоохранения Г.Н. Каминского.

Обсудив резолюцию Конференции, Бюро Ученого медицинского совета Наркомздрава РСФСР 3 апреля 1935 г. постановило: «1. Считать необходимым при пересмотре программы по патологической физиологии и общей биологии значительно расширить в них разработку вопросов генетики. 2. Рекомендовать введение в медицинских институтах Москвы и Ленинграда и в курсах усовершенствования врачей факультативный (доцентский) курс генетики на 40–50 часов. 3. Признать желательным усилить аспирантуру по медицинской генетике в Медико-биологическом институте и Институте экспериментальной биологии. 4. Просить УНИ обязать Медико-биологический институт разработать в годичный срок учебник по медицинской генетике» (ГА РФ. Ф. 482. Оп. 25. Д. 835. Л. 53 и 57).

Ученый медицинский совет поручил Институту Левита составление учебника по медицинской генетике. Институт был тогда занят подготовкой IV тома «Трудов» и составлением двух монографий: «Генетика внутренних болезней» и «Физиология и патология близнецов». (Летом 1934 г. Левит, помимо прочего, должен был отбивать атаки переехавшей в Москву Академии наук СССР, которая претендовала на комплекс зданий МБИ). Левит обещал приступить к составлению учебника, когда Институт освободится от монографий, т. е. к концу 1935 г. В учебнике, как полагал Левит, будут представлены разделы: 1. Основы современной генетики (с обращением особого внимания на генетику человека). 2. Основные проблемы медицинской генетики. 3. Методы собирания материалов по генетике человека. 4. Методы генетического анализа человека. 5. Вопросы медицинской карриологии (методы исследований, проблематика, достижения). 6. Критика буржуазных расовых и евгенических теорий (ГА РФ. Ф. 482. Оп. 25. Д. 835. Л. 56 и 52).

Ликвидация Медико-генетического института

Обсуждение проблем медицинской генетики предполагалось продолжить осенью 1936 г. в Киеве, на Медико-биологической конференции, а позже – на VII Международном генетическом конгрессе в августе 1937 г. в Москве. Предста-

вительную программу по медицинской генетике готовили Г. Мёллер и С.Г. Левит – генеральный секретарь Оргкомитета.

В начале 1930-х гг. Т.Д. Лысенко стал любимцем партийной прессы и сельскохозяйственной номенклатуры. Его «чудодейственная» яровизация вместо кропотливой селекционной и агротехнической работы пришлась ко времени: И.В. Сталин требовал получать в каждой области удобные ему результаты, невзирая ни на какие пределы возможностей. Но принцип неизменности гена отменял перспективу переделки природы растений и животных в удобном начальству направлении и масштабе, и Сталин задумывался о том, что делать с генетикой: приручать ее или ликвидировать. Т.Д.Лысенко как потенциально ценный кадр заслуживал поощрения, примера для подражания номенклатуре и журналистам. Его выступление на Втором съезде колхозников-ударников с демагогическими призывами к классовой борьбе и требованиями сбросить оковы научного метода было прервано репликой: «Сталин: “Браво, т. Лысенко, браво!” В зале аплодисменты» (Правда. 1935. 15 февраля). Сталин методично выдвигал Лысенко и готовил его к выполнению важной задачи. Тогда-то Мёллер и отправил письмо о перспективах позитивной евгеники в социалистическом обществе, а Сталин использовал его как ценный материал для аргументации своих решений среди товарищей по ЦК и Политбюро.

Письмо Мёллера Сталину. 5 мая 1936 г. Г.Г. Мёллер направил И.В. Сталину новую книгу «Выход из мрака» (Muller, 1935) с большим сопроводительным письмом. «Дорогой товарищ Сталин! – писал Мёллер. – В качестве ученого, убежденного в окончательной победе большевизма во всех отраслях человеческой деятельности, я обращаюсь к Вам с вопросом жизненной важности, возникающим в области науки, которой я занимаюсь, – биологии, и в частности генетики»... «Дело касается ни много, ни мало как сознательного контроля над биологической эволюцией человека – то есть контроля человека над наследственным материалом, лежащим в основе жизни самого человека. Это тот процесс, которому буржуазное общество было совершенно неспособно смотреть прямо в лицо», – писал Мёллер. Он продолжал: «... генетики, принадлежащие к левому крылу,

признают, что только социалистическая экономическая система может дать материальную базу и социальные и идеологические условия, необходимые для действительно разумной политики в отношении генетики человека, для политики, которая будет руководить человеческой биологической эволюцией в социально желательном направлении»... «Подлинная евгеника может быть только продуктом социализма, и, подобно успехам в физической технике, явится одним из средств, которое будет использовано социализмом для улучшения жизни».

«Человеческая порода не неизменна и не неспособна к улучшению и это так же справедливо в генетическом, как и в социальном смысле. Не пустая фантазия, что посредством сочетания благоприятного воспитания и общественных и материальных преимуществ, которые может дать социализм, с одной стороны, с научным применением генетики, освобожденной от буржуазных общественных и идеологических оков, с другой стороны – возможно будет в течение лишь нескольких поколений наделить даром даже так называемого “гения” практически каждого отдельного индивидуума – поднять фактически всю массу на уровень, на котором сейчас стоят наши наиболее одаренные индивидуальности, те, которые больше всего способствуют прокладыванию новых путей жизни. И даже это еще только начало. Если рассматривать вопрос с более далекой перспективой, то это может быть началом биологического прогресса, с небывалой быстротой и верностью цели шагающего от одной вершины к другой. Подобный прогресс явится результатом того, что вместо случайных, колеблющихся и мучительных процессов естественного отбора, господствовавших в отдаленном прошлом, вместо близорукого, неправильного и зачастую губительного вмешательства в природу, осуществлявшегося людьми в досоциалистическую эпоху, будет сознательный социалистический контроль, основанный на разумной теории».

Изложив представление о гене, Мёллер определил отношение к взглядам Т.Д. Лысенко и Презента, назвав пустой фантазией их идею безграничного изменения организмов в желательном направлении. В качестве альтернативы он назвал меры позитивной евгеники: «Наука генетика установила, что есть одно и только

одно средство, с помощью которого может быть положено ценное начало в деле обеспечения все более и более благоприятными генами. Оно заключается не в прямом изменении генов, а в создании относительно высокого темпа размножения наиболее ценных генов, которые могут быть найдены повсюду. Ибо нельзя искусственно изменять сами гены в каком-либо особом специальном направлении. Представление о том, что это может быть сделано, является пустой фантазией, вероятно, неосуществимой еще в течение тысячелетий».

«Процесс, посредством которого такой биологический прогресс может быть искусственно осуществлен при минимуме вмешательства в личную жизнь, заключается в том, чтобы дать возможность всем людям, желающим принять участие в производстве детей, обладающих наилучшими генетическими свойствами, получить соответственный воспроизводительный материал для использования посредством искусственного обсеменения». . . «Следует понять, что процесс искусственного обсеменения сам по себе не влечет никакого полового акта у индивидуума и не мешает осуществлению им нормальных любовных отношений и полового акта, который продолжается как обычно, и может быть связан с таким контролем над деторождением, который желателен. Таким образом, к искусственному обсеменению могут также прибегать брачные пары, желающие иметь детей с необычайно высокими генетическими качествами, причем это не нарушает любовных отношений между партнерами». «Правда, мы сейчас, укоренившись в традициях буржуазного общества, проникнуты идеей о том, что наш ребенок должен происходить от наших собственных половых клеток». «Но с постепенным ростом понимания больших социальных возможностей и обязанностей воспроизводства и при отделении воспроизводства от полового акта эти чувства все больше будут заменяться другими, столь же сильными и действенными для дела создания высокого типа семейной жизни».

В пользу позитивной евгеники в социалистическом плановом обществе Мёллер выставляет такой аргумент: «Многие матери завтрашнего дня, освобожденные от оков религиозных предрассудков, будут горды смешать свою плазму с плазмой Ленина или Дарвина, и дать обществу

ребенка, наследующего их биологические качества».

Изложив принципы генетики популяций, современной стадии развития учения Дарвина, Мёллер отмечает, что при социализме «становится возможным начать сознательный общественный контроль не только над социальной эволюцией как таковой, но через нее также и над биологической эволюцией».

«Ввиду непосредственно предстоящей дискуссии по вопросам, относящимся к генетике, важно, чтобы позиция советской генетики в этом вопросе была быстро выяснена. Она должна иметь свою точку зрения, позитивную большевистскую точку зрения в противовес так называемой “чистоте расы” и извращенным “евгеническим” учениям наци и их союзников, с одной стороны, и теории “лессе-фер” и “не торопитесь” отчаявшихся либералов – с другой стороны».

Мёллер отмечает, что этот позитивный, или большевистский, взгляд на проблему подробно сформулирован им в книге «Выход из мрака». Он подводит итог обращения к Сталину указанием на оптимистическую позицию, объединяющую его евгенику и большевистскую политику: «Отбросив ложных богов, человек, организованный при социализме, должен взять на себя роль творца, завоевывая с большевистским энтузиазмом также и ту неприступную крепость, в которой находится ключ к его собственному внутреннему существу» (Письмо. . ., 1997).

Забегая вперед, скажем, что идеи Мёллера вошли в жизнь не в СССР, а в США, в частной программе Р. Грэма по созданию банка спермы от Нобелевских лауреатов и других выдающихся мужчин и искусственного оплодотворения здоровых и умных женщин с целью получения выдающихся потомков. После первой информации 1960-х гг. о 15 детях все сообщения исчезли из печати (возможно, программа перестала представлять частный интерес), и дальнейшая судьба ее неизвестна.

Биограф Мёллера утверждал, что перевод книги «Выход из мрака» был сделан лишь в начале 1937 г. и тогда же Сталин прочел письмо и принял за книгу; основанием для утверждения послужил факт, что только тогда Мёллеру стало известно, что Сталин «недоволен» книгой, и что все печатающиеся рецензии

были сняты (Carlson, 1981). Логика действий Сталина не позволяет, однако, утверждать, что он мог оставить без внимания какой-либо документ по интересующему его вопросу. Совершенно беспочвенно навязываемое этой версией предположение, что для перевода интересующей Сталина книги могло потребоваться восемь или девять месяцев (по неофициальным сведениям такой перевод делался за одну ночь). Поэтому мы заключили, что Сталин не откладывая прочел письмо Мёллера и тогда же принял фатальное для русской генетики решение (Бабков, 1997). Но машинописная копия из личного архива Сталина датирована 19 июля 1936 г. О чем говорит факт заказа копий (расылка определенному кругу лиц плюс копия в архив)? Быть может, Сталин желал опереться на этот материал, беседуя с товарищами (на этой основе можно в любой момент сочинить постановление Политбюро, ЦК или Совнаркома) о том, что VII Международный генетический конгресс в Москве в августе 1937 г. окажется рассадником идей расизма, и что его следует поэтому запретить.

VII Конгресс и IV Сессия. В Итаке прошел VI Международный генетический конгресс. Лондон, Нью-Йорк, Париж и Берлин уже принимали конгрессы, и Международный комитет генетических конгрессов обратился, при определении места VII Конгресса 1937 г., к скандинавским генетикам, но имел в виду также предложение советского руководства, за которое настоятельно агитировал Н.И. Вавилов. Менделевское общество в Лунде (Швеция) пожелало устроить конгресс, но вскоре отказалось от своего проекта. Воспоследовало предложение Президиума АН СССР, которое было с признательностью принято. После ряда бюрократических процедур Н.И. Вавилов с энтузиазмом обнародовал план проведения VII Генетического конгресса в СССР (Вавилов, 1936).

Н.И. Вавилов, разумеется, видел все знаки симпатии Сталина и номенклатуры к группе Лысенко–Презента и их нарастающий скептицизм в отношении настоящих ученых. Стратегия Н.И. Вавилова была ориентирована на выдающийся успех настоящих ученых (прежде всего, из своей научной империи) в августе 1937 г. и разоблачение лысенковцев. Конгресс мог поправить положение самого Н.И. Вави-

лова: в 1935 г. после критики Совнаркомом ВАСХНИЛ он был смещен с поста президента ВАСХНИЛ. Ради социально значимого успеха в будущем в 1935–1936 гг. Вавилов допускал некоторые небольшие, но уже выстраивающиеся в систему уступки, неудачи, компромиссы. По контрасту Н.К. Кольцов немедленно резко реагировал на каждую попытку ущемить автономии его области исследований или интересы его Института экспериментальной биологии (Бабков, 1989, 1992). Н.И. Вавилов согласился на включение в национальный Оргкомитет ряда номенклатурных персон, симпатизирующих Т.Д. Лысенко; он не пытался противостоять изъятию генетики человека из программы Конгресса, отмене приглашений генетикам из Германии, бюрократическим проволочкам в разрешении мелких забот, которые блокировали подготовку Конгресса.

«Нет царской дороги в геометрию», – сказал Аристотель своему ученику Александру Македонскому. Но Т.Д. Лысенко в ходе событий 1935–1936 гг. убедился, что есть быстрая дорога в сталинские сановники. Высочайшая похвала в начале 1935 г., персональный журнал в середине года, кинофильм о чудо-яровизации, выездные сессии АН СССР и ВАСХНИЛ на его базу летом 1935 и 1936 гг., безудержное восхваление в прессе – все это обеспечивало Т.Д. Лысенко исключительное положение. С целью окончательно установить его законное место в науке была организована дискуссия между группой Лысенко–Презента, с одной стороны, и селекционерами и генетиками, с другой. Дискуссия шла в различных формах с середины 1935-го г.; ее кульминацией стала грандиозная IV сессия ВАСХНИЛ 19–27 декабря 1936 г. «Я имею право входа», – ответил Т.Д. Лысенко на вопрос, как ему удаются такие крупные дела (Круглый стол, 1988).

Газеты о С.Г. Левите. В преддверии декабрьской сессии была развернута кампания против С.Г. Левита и Медико-генетического института. Зав. отделом науки МГК ВКП(б) Э. Кольман созвал 13 ноября 1936 г. в Доме ученых собрание биологов и медиков для разоблачения «жульничества фашистских и фашиствующих ученых» и «расистских фальсификаций биологии». Э. Кольман обвинил в идеологических ошибках морфолога проф.

В.Г. Штефко, но особенно жесткая критика была адресована МГИ и его директору. С.Г. Левит опроверг все обвинения Э. Кольмана: аргументировал его некомпетентность в разбираемых вопросах и необоснованность критики. Возразить С.Г. Левиту по сути дела было нечего, тогда провокатор Д.З. Комиссарук «указала, что С.Г. Левит по своим взглядам меньшевистствующий идеалист и фактически не разоружился». Статья Кольмана на основе материалов доклада была напечатана установочным журналом (Кольман, 1936). Тенденциозное сообщение о собрании было напечатано «Комсомольской правдой» 15 ноября 1936 г. (М.Ц., 1936). На следующий день «Известия» поместили маленький фельетон братьев Тур, где речь шла о юбилее МГИ (пятилетие в марте 1935 г.) и праздничной стенгазете: они сетовали, что там не нашлось места критике С.Г. Левита. Стиль «фельетонистов ОГПУ» (как их назвал акад. Д.С. Лихачев) и предмет критики усматриваются из фрагмента: «...Куца “соломонова” мудрость профессора Левита и возглавляемого им Медико-генетического института сводилась к таким откровениям, как признание абсолютного значения наследственности в происхождении почти всех болезней, фатальная биологическая предопределенность характера ребенка и тому подобной ерунде...» (Братья Тур, 1936, 16 ноября). Общее собрание МГИ три дня обсуждало фельетон и отвергло грубую и необоснованную критику.

4 декабря 1936 г. Фрунзенским райкомом ВКП(б) С.Г. Левит был исключен из партии «за связь с врагом народа, за протаскивание враждебных теорий в трудах института и за меньшевистствующий идеализм». Тогда-то «Известия» и братья Тур, долго молчавшие, возмутились тем, что МГИ не принял их предыдущее выступление за руководство к расправе. С.Г. Левиту ставили в вину подпись под письмом в защиту арестованного друга, Н. Карева; попытку на собрании «скомпрометировать работу прекрасного советского ученого Лысенко»; реплику «голоштаный марксист» в ответ на конъюнктурное выступление Н.П. Дубинина. Фельетонисты пошли теперь дальше и обвинили в поддержке С.Г. Левита и МГИ зав. Сектором научных институтов Наркомздрава Х.Г. Раковского и наркома Г.Н. Каминского (Братья Тур, 1936, 10 декабря).

В ноябре установочный журнал напечатал длинную, вялую, некомпетентную рецензию III и IV томов «Трудов» МГИ с целью подвести эти исследования под действие постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г. (Карлик, 1936). В этом постановлении говорилось, что «теория и практика так называемой педологии базируется на ложнонаучных, антимарксистских положениях. К таким положениям относится, прежде всего, главный “закон” современной педологии – “закон” фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды».

Г.Н. Каминский последовательно поддерживал С.Г. Левита и его дело. Когда в № 1 «Бюллетеня» Второго съезда невропатологов и психиатров, напечатанном накануне его открытия, оказалась мерзкая клевета в статье академика М.Б. Кроля – обвинение Левита в расизме и фашизме, Каминский провел через партгруппу съезда решение об изъятии «Бюллетеня». Заказчики клеветы сообщили через «Правду», что Каминский взял под защиту пропагандиста «лженаучных теорий» (По ложному пути, 1936). Партгруппа обсудила заметку в «Правде» и «полностью с ней солидаризировалась» (Заккрытие съезда..., 1936).

Статья в «Нью-Йорк Таймс». Киевская медико-биологическая конференция, назначенная на осень 1936 г., была отменена. Ее главный организатор акад. АН УССР И.И. Агол был арестован. 8 декабря Мёллер из Москвы неофициально сообщает президенту Постоянного международного комитета О.Л. Мору в Осло, что было сочтено нецелесообразным проведение Конгресса следующим летом и что официальное сообщение вскоре последует. 13 декабря из Москвы идет радиограмма, и на следующий день «Нью-Йорк Таймс» печатает уравновешенную статью информированного корреспондента об отмене Москвой проведения в СССР всемирного генетического конгресса. Среди советских ученых некоторые наиболее выдающиеся ученые обвинены руководителями компартии в том, что они разделяют взгляды германских фашистов на генетику и даже покрывают «троцкистов»; это стало причиной отмены. Ботаник Т.Д. Лысенко, получивший

признание правительства за опыты по «яровизации», оспорил ценность классической генетики, включая законы Менделя и хромосомную теорию, заклеил их как «формальные» и не имеющие практической ценности. Лысенко заявил, что «генетика – развлечение, как шахматы или футбол», и критиковал ВИР и акад. Н.И. Вавилова за отрыв от практики. Профессора Агол и Вавилов, – продолжает газетная статья, – арестованы в Киеве по обвинению, связанному с троцкизмом. Недавно профессор Левит стал объектом жесткой критики партийной печати; это подтверждает, что он попал в немилость у руководителей компартии, которые управляют всеми сторонами советской жизни, включая науку, литературу и искусство, а не только экономику и политику. Кульминацией кампании стало обвинение проф. Левита [на собрании 13 ноября] в разработке его институтом научных взглядов, враждебных советским теориям и дружественных нацистам, что удивительно ввиду его опубликованных теорий, – отменила газета (*Moscow cancels...*, 1936).

После торжественного открытия сессии ВАСХНИЛ «Известия» печатают «Ответ клеветникам» на статью двухнедельной давности: 1. «В СССР действительно не существует той “свободы” генетической науки, под которой в некоторых государствах понимают свободу убийства людей или свободу уничтожения целых народов из-за их будто бы “неполноценности”». 2. Действительная интеллектуальная свобода существует только в СССР. Свидетельство – публичная дискуссия по генетике, которая идет в Сельскохозяйственной академии: «На заседании Академии, якобы арестованный, Вавилов выступает, как уже известно из советской печати, 22 декабря с докладом, критикующим научные воззрения молодого ученого Лысенко, а последний – выступает с докладом, критикующим антидарвинистический характер некоторых теоретических положений Вавилова. Насчет ареста Вавилова “Нью-Йорк Таймс” просто наврал». (Сталин занимался Конституцией; отмена Конгресса не была объявлена; и арест был отложен почти на 4 года. Но пафос текста заключался в том, что Вавилов теперь олицетворяет “отжившее, старое”, на которое, по формуле Сталина, следует в свое время “поднять руку”). 3. «Господин Агол, ничего общего

не имеющий с наукой, действительно арестован следственными органами за прямую связь с троцкистскими убийцами» (это означало смертный приговор). 4. «Генетический конгресс, ранее назначенный на 1937 г., действительно отложен на некоторое время по просьбе ряда ученых» (возможно, Сталина), «пожелавших удлинить сроки своей подготовки к конгрессу...» (Ответ клеветникам..., 1936).

На следующий день газета печатает заметку Н.И. Вавилова, опровергающую мнение о несвободе исследований в СССР и сообщение о его аресте (Телеграмма академика..., 1936), еще через два дня – слова Генри Уорда, секретаря Американской ассоциации развития науки (AAAS): он рад, что Вавилов не арестован; он надеется на дальнейшее плодотворное развитие науки в СССР (Нью-Йорк Таймс..., 1936).

Вопросы генетики человека на сессии.

Н.И. Вавилов избегал конфронтации и демонстрировал лояльность к партийному руководству. Он настаивал, чтобы Г.Г. Мёллер, один из четырех основных докладчиков, не касался генетики человека и ламаркизма. Но Мёллер, поддержанный Н.К. Кольцовым, объединил эти вопросы в заключительной части доклада. Он другими словами повторил аргумент Ю.А. Филиппенко 1925 г., известный ему от Кольцова, стойкого защитника генетики, ставшего в дискуссии 1936 г. лидером наиболее активной антилысенковской части аудитории. Основную часть доклада Мёллера зачитал Кольцов. Поблагодарив его, Мёллер прочел заключение, замененное в опубликованной стенограмме тремя вялыми бесцветными фразами. Приведем этот энергичный фрагмент по стенограмме.

«Мы должны удвоить наше внимание, чтобы не только высоко держать знамя в больших теоретических разделах нашей области, но даже еще выше в отношении той связи теории с практикой, какую мы покажем. Если, однако, наши выдающиеся практики будут высказываться в пользу теорий и мнений, явно абсурдных для каждого обладающего хотя бы элементарными знаниями в генетике, как положения, выдвинутые недавно Презентом, Лысенко и их единомышленниками, то ученые, являющиеся друзьями СССР, будут глубоко шокированы, ибо в данном случае стоящий перед нами выбор аналогичен выбору между знахарством и

медициной, между астрологией и астрономией (*Аплодисменты*), между алхимией и химией.

Наконец, необходимо отметить, что если бы ламаркизм, идейная группа которого боролась здесь против генетики, получил здесь широкое распространение, то этим была бы создана благодатная почва для сильной идеологической поддержки претензий фашистов, верящих в сохранение зародышевой плазмы.

Должен казаться совершенно естественным вывод, что поскольку пролетарии всех стран и особенно колониальных в продолжение долгого времени были в условиях недоедания, болезней и при отсутствии возможностей для умственного труда и фактически были рабами, то они должны стать за это время по своим наследственным задаткам и биологически низшей группой по сравнению с привилегированными классами (*Аплодисменты*) как в отношении физических, так и умственных черт. Ведь согласно этой теории подобные фенотипические признаки должны были в некоторой степени отразиться и в половых клетках, развивающихся как часть соматических тканей.

То обстоятельство, что эта порочная и опасная доктрина была бы логическим следствием ложных ламаркистских предпосылок, которые в настоящее время выдвигаются противниками генетики, должно заставить взяться с особенной резкостью поддерживать перед всем миром критическую научную концепцию наследственности и изменчивости. Обострение борьбы с фашизмом, свидетелями которой мы в настоящее время являемся, делает это особенно настоятельным (*Продолжительные аплодисменты*)» (РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. № 763. Лл. 210–212).

А.С. Серебровский выступил с четким и содержательным докладом, включавшим критику лысенковщины, и возразить ему по сути дела лысенковцы не могли. Поэтому критики обратились к его старым антропогенетическим идеям (совпадающим с идеями Мёллера), характеризуя их как *мусор* и *фашистский бред*. Серебровский повторно *разоружился* и упомянул целый ряд грубейших политических и антинаучных, антимарксистских ошибок (Бюллетень № 8, 1936). Газеты сообщили, что «бредовую теорию акад. А.С. Серебровского... фашизм охотно включит в свою программу» (Известия. 26 декабря 1936). Так широкой пуб-

лике навязывалось определенное отношение к медицинской генетике.

Разгром МГИ. В начале апреля 1937 г. Н.И. Вавилов сообщил председателю Постоянного международного комитета О.Л. Мору, что несколькими днями ранее было получено определенное решение правительства о Конгрессе в Москве в 1938 г. В середине июня Мор обращает внимание на то, что новое письмо подписано в качестве генерального секретаря Оргкомитета Мейстером, а не С.Г. Левитом. В Москве 22 июня 1937 г. 13 генетиков подписывают письмо Мору в поддержку Конгресса в СССР.

Тем временем в мае–июне 1937 г. Комиссия Наркомздрава обследует МГИ. Ее заседания идут в спокойной, деловой обстановке, но атмосфера резко меняется: появляются необоснованные претензии, клевета и предательства. Тем не менее в заключении Комиссии было подчеркнуто, что МГИ должен быть сохранен.

Одновременно на июньском пленуме ЦК партии, где Сталин выдвигал Л.П. Берия и проводил предложение ввести упрощенный порядок следствий по политическим делам, произошло нерядовое событие. Г.Н. Каминский выступил с резкой критикой Берия. По позднейшим воспоминаниям Н.С. Хрущева, был мгновенно объявлен перерыв, после которого Каминский больше на публике не появлялся. Накануне пленума кандидат в члены ЦК Каминский был на «чашке чая», где в узком кругу высокопоставленных партийцев обсуждались способы смещения Сталина с поста генсека. Там был провокатор, и операция НКВД носила, по Антонову-Овсеенко, то же название: «Чашка чая». Поэтому Сталин воспринял выступление Каминского – друга С.Г. Левита и покровителя МГИ – как сигнал к восстанию.

5 июля 1937 г. С.Г. Левит был снят с поста директора МГИ; 13 июля снят с работы в МГИ (он заведовал лабораторией и был старшим научным сотрудником). Вскоре МГИ был закрыт; большинство сотрудников уволено. Немногие оставшиеся составили лабораторию при ВИЭМ, не прославившуюся яркими исследованиями; она была ликвидирована осенью 1939 г.

С.Г. Левит был арестован в ночь с 11 на 12 января 1938 г.; 17 мая приговорен к смертной казни за терроризм и шпионаж (основанием послужили изъятые при обыске пишущая

машинка, фотоаппарат, кинжал) и 29 мая расстрелян.

С.Г. Левит реабилитирован посмертно 5 сентября 1956 г.

Судьба медицинской генетики

После МГИ. Когда Сталин весной 1937 г. разрешил проведение VII Конгресса в Москве в августе 1938 г., он блефовал. В июле два члена Постоянного международного комитета голосовали, безусловно, за СССР, два – условно, восемь – определенно против. VII Конгресс прошел в Эдинбурге в августе 1939 г. А в Москве в октябре 1939 г. состоялась новая дискуссия по генетике, теперь при редакции журнала «Под знаменем марксизма». В докладе С.Н. Давиденков (там он осуждал евгенику американского и германского типа, а себя к таким евгенистам не причислял) охарактеризовал дух времени. Назвав ряд успехов применения генетики в клинической неврологии, он отметил: «...Доцентура по генетике, которая была в ленинградском Институте усовершенствования врачей, уничтожена, и вообще атмосфера работы очень тяжелая. Вы чувствуете себя так, как будто протаскиваете враждебную идеологию, и часто кто-нибудь дает дружеский совет (я недавно получил дружеский совет одного видного врача по нашей специальности): бросьте заниматься генетикой, слово “наследственность” нельзя произносить» (Стенограмма дискуссии..., 1939).

С.Н. Давиденков тогда подводил итоги многолетней работы, которая увенчалась гипотезой *условных тропизмов*, изложенной в замечательной монографии «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии». Издание книги, представленной на Сталинскую премию, задержалось из-за войны, и она вышла в свет в Ленинграде только в 1947 г. Жизнь ее была недолгой. Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. провозгласила запрет теории гена. 25 августа известный карьерист Н.И. Гращенков напечатал в газете «Медицинский работник» погромную критику книги С.Н. Давиденкова, озаглавленную «Откровенная пропаганда идеализма». 9–10 сентября 1948 г. Президиум АМН СССР официально запретил медицинскую генетику.

Вопросы медицинской генетики на августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) не обсужда-

лись. Однако Борис Ефимов, чьи политические карикатуры редактировал лично Сталин, снабдил статью «Мухолобы–человеконенавистники» А.Н. Студицкого в популярном «Огоньке» (1949, № 11) рисунками, которые не оставляли сомнений в преступности медицинской генетики (врач – убийца в белом халате – изображен в компании куклуксклановца и гангстера-полицейского).

Восстановление науки. Спустя десятилетия были созданы лаборатории В.П. Эфроимсона, А.А. Прокофьевой-Бельговской, Е.Э. Погосян, М.А. Арсеньевой, планы которых включали вопросы медицинской генетики.

Межвузовская конференция по экспериментальной генетике 1961 г. с фантастически богатой программой (запрещенная в последний момент) включала 30-минутный доклад А.А. Прокофьевой-Бельговской (ученицы Ю.А. Филипченко и Мёллера) «Цитогенетика человека». Там был доклад ученицы С.Н. Давиденкова Н.А. Крышовой (с соавторами) о географическом распределении и наследственности прогрессивной мышечной атрофии и еще два, по близнецовому методу, да и другие доклады по смежным темам.

В конце 1962 г. Институт экспериментальной медицины АМН СССР организовал симпозиум по изучению проблем медицинской генетики. К симпозиуму был подготовлен сборник «Проблемы медицинской генетики» под редакцией действительного члена АМН СССР Д.А. Бирюкова, на тот же 1962 г. был запланирован его выход в свет. Сборник был запрещен, запрет потерял силу лишь после полуосуждения лысенковщины в октябре 1964 г. при снятии Н.С. Хрущёва с поста первого секретаря ЦК КПСС и разрешении генетики. Сборник был выпущен в свет в 1965 г. Ленинградским отделением издательства «Медицина».

В 1964 г. еще до снятия запрета на генетику вышел в свет первый современный учебник «Введение в медицинскую генетику» В.П. Эфроимсона. Потом были сборники научных трудов и переводные руководства. Наконец, в 1969 г. был организован Институт медицинской генетики АМН СССР, ядро которого составили сотрудники отдела Н.В. Тимофеева-Ресовского и лабораторий А.А. Прокофьевой-Бельговской и В.П. Эфроимсона. При этом планировался

специальный журнал, но он не возник. Первый с 1930-х гг. журнал, посвященный изучению человека, «Человек» был создан в 1990 г. при Академии наук СССР и ее Институте человека. Лишь в 2001 г. Общество медицинских генетиков организовало свой «Журнал медицинской генетики».

Политическая «машина» удерживала сталинский запрет на ознакомление широкой публики с достижениями медицинской генетики, да и с фактом ее существования. (Такой запрет всегда располагает к созданию монополии по типу лысенковской.) Конечно, позволялись учебники, сборники трудов, монографии. Но даже появление статьи о генетике и эволюции человека в более общем издании, вроде журнала «Вопросы философии», становилось событием, о котором говорили.

Популярные и литературные журналы были для этих тем закрыты. Поэтому появление в «Новом мире» (1971, № 10) очерка проф. В.П. Эфроимсона «Эволюция альтруизма» и очерка акад. Б.Л. Астаурова «*Homo sapiens et humanis*» вызвало широкий общественный резонанс, но также и попытку рвущегося к монополии акад. Н.П. Дубинина обвинить борца за автономию науки Б.Л. Астаурова в чудовищных идеологических преступлениях. Дело шло к осуждению «вражеской вылазки» на заседании президиума Академии наук. Но Б.Л. Астауров разослал участникам копии публикации; крамола не была найдена; заседание не состоялось.

Самый жесткий запрет на медицинскую генетику был наложен в кинематографе. Тем не менее кинорежиссер Е.С. Саканян снял фильм о проблемах медицинской генетики в связи с Конгрессом по генетике в Москве в 1977 г. Фильм «Генетика и мы» вышел на экраны в 1978 г.; автор получил премию Ленинского комсомола.

Два несостоявшихся масштабных проекта описали Р.Л. Берг и В.П. Эфроимсон.

«В 1959 г. С.Н. Давиденкову предложили создать в рамках Академии медицинских наук Институт медицинской генетики. Он созвал генетиков Ленинграда, и они дружно промямлили, что нет людей, знающих генетику, и работать в таком институте некому – подождем, когда Кафедра генетики ЛГУ создаст кадры. Все пристроены, руководят лабораториями в биологических учреждениях, работают в смеж-

ных областях, все травмированы, претерпели гонения, и страх рецидива превращал для них генетику в табу. Причина была мнимой. Они сидели здесь, в роскошной квартире С.Н. Давиденкова на Площади Революции, профессора, способные вырастить сотни специалистов, лишённые этой возможности в сталинское время и отвергающие эту возможность, когда она предоставлялась. П.Г. Светлов, Н.А. Крышова, И.И. Штильбанц, Ю.М. Оленов, И.И. Канаев. Я пыталась отговорить их, С.Н. Давиденков выдвигал свои предложения, но видно было, что и он во власти общей пассивности. Давиденков организовал все же Лабораторию медицинской генетики, и она существует поныне. Он умер, не успев даже наметить тематику лаборатории», – писала Р.Л. Берг (1983, С. 190–191).

В.П. Эфроимсон связал упущенную возможность восстановления медицинской генетики с именем «одного из крупнейших генетиков мира, мирового авторитета» Н.В. Тимофеева-Ресовского, «великолепного исследователя, несравненного педагога и одного из благороднейших людей в кругу крупнейших ученых», которых В.П. Эфроимсону довелось узнать за свою жизнь. Весной 1981-го г. В.П. Эфроимсон произнес горячую речь на его похоронах в Обнинске, где высказывал «глубокую горечь, что Тимофееву-Ресовскому не удалось участвовать в восстановлении медицинской генетики, потому что это не устраивало монополистов...» «То, что Н.В. Тимофееву-Ресовскому пришлось работать не в Москве, и не по генетике человека, области остродефицитной по кадрам, а в биофизике, погрому не подвергшейся, считаю ударом для советской науки». «Конечно, главная беда его после освобождения заключалась в том, что он был титаном в науке, очень нетерпимым и для лысенковцев, и для тех, кто, пользуясь лысенковским засильем, создавали в ущерб делу свои монополии в различных разделах генетики», – говорил Владимир Павлович (по: Саканян, 2002, С. 346).

Вторая «Первая» Конференция. Держу в руках сборник материалов «1-я Конференция по медицинской генетике» (Первая Всесоюзная конференция..., 1975) и вижу год выпуска: «1975».

Но первая конференция по медицинской генетике прошла в 1934 г., в Медико-генетическом

институте С.Г. Левита (Конференция..., 1934). Там было большое число видных участников из разных городов СССР и из-за границы. Среди основных докладчиков – блистательные ученые Г.Г. Мёллер, Н.К. Кольцов, С.Г. Левит, С.Н. Давиденков, Т.И. Юдин и др.

Наука, будучи живым телом, непрерывна во времени. Перерыв традиции дает тот же результат, что и временная остановка мозга: возобновят работу лишь отдельные группы нейронов и случайно сохранившиеся нервные связи. Запрет науки резко сокращает количество исследований и обедняет их разнообразие. Но и разрешение науки после перерыва традиции может иметь далеко идущие последствия, нежелательные с точки зрения успехов развития этой науки. Искусственное насаждение любой области деятельности создает возможности скорой карьеры.

10 июня 1977 г. на заседании в Институте медицинской генетики АМН СССР обсуждался вопрос о развитии медико-генетического консультирования в СССР. Было предложено открыть 100 новых консультационных кабинетов в дополнение к наличным 60. Ученик Ю.А. Филипченко и Мёллера, а теперь член Ученого совета ИМГ АМН, Н.Н. Медведев сразу после заседания рассказал историю бурного роста числа пунктов медико-генетического консультирования в СССР, начиная с 5 пунктов в марте 1967 г. Поражало в этой истории то, что в 1977 г. числилось 60 пунктов, хотя специалистов было достаточно лишь для двух или трех.

Но возвратимся к первой и еще одной «первой» конференциям.

В 1934 г. было 7 докладов и свыше 300 участников: дата конференции совпала со свободным временем участников Международного антимревматического конгресса в Москве, и многие замечательные биологи и клиницисты оставили восторженные отзывы в альбоме Медико-биологического института после ознакомления с его работой.

На конференцию 1975 г. было прислано свыше 300 докладов, отобрано около 100, и число авторов совпадало с числом участников. Конференция 1975 г., возможно предвиденная в 1934 г., соответствует зрелому периоду науки, когда основные принципы работы и направления исследований твердо установлены и

идет прогрессивное накопление специальных материалов.

Воздадим же хвалу создателям медицинской генетики в 1934 г. и восхитимся первой ее молодостью.

Автор благодарен академику РАН Ю.П. Алтухову и академику РАМН В.И. Иванову за обсуждение материалов.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ; проект № 04-06-80174.

Литература

- Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф. Николай Константинович Кольцов, 1872–1940. М.: Наука, 1975. 168 с.
- Бабков В.В. Биологические и социальные иерархии. Контексты письма Г.Г. Мёллера И.В. Сталину // Вопр. истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 76–94.
- Бабков В.В. Московская школа эволюционной генетики. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Бабков В.В. Н.К. Кольцов и его Институт в 1938–1939 гг. // Онтогенез. 1992. № 4. С. 443–459.
- Бабков В.В. Н.К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // Вопр. истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 3–20.
- Берг Р. Суховой. N.Y.: Chalidze Publications, 1983. 335 с.
- Братья Тур. В пылу увлечения // Известия. 10 декабря 1936. С. 3.
- Братья Тур. Контрамарка в Пантеон // Известия. 16 ноября 1936. С. 4.
- Большая Советская Энциклопедия. 1931. Т. 23. Стб. 815.
- Бунак В.В. Термин «раса» в зоологии и антропологии // Русский евгенический журнал. 1930. Т. VII. Вып. 4. С. 117–132.
- Бюллетень IV сессии. № 8. 30 декабря 1936. С. 21.
- Вавилов Н.И. VII Международный конгресс генетики в СССР // Известия. 29 марта 1936.
- Варнитсовец. Правая профессура за работой // ВАРНИТСО. 1930. № 2. С. 76–79.
- ГА РФ. Ф. 482. Оп. 25. Д. 835.
- Завадовский Б.М. // Под знаменем марксизма. 1925. № 10–11. С. 100, 106.
- Завадовский Б.М. Дарвинизм и марксизм. М., 1926. С. 76.
- Закрытие съезда невропатологов и психиатров. Выступление тов. Г.Н. Каминского // Правда. 30 декабря 1936. С. 6.
- Карлик Л. Труды МБИ. Вып. III. 1934. Труды МГИ. Вып. IV. 1936 // Под знаменем марксизма. 1936.

- № 12. С. 178–186.
- Кольман Э. Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 2. С. 73–81.
- Кольман Э. Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // Под знаменем марксизма. 1936. № 11. С. 64–72.
- Кольцов Н.К. Родословные наших выдвинутых // Русский евгенический журнал. 1926. Т. IV. Вып. 3–4. С. 103–143.
- Конференция по медицинской генетике. Доклады и прения. М., 1934. 71 с.
- Круглый стол. Вопросы истории советской генетики в литературе последних лет // ВИЕТ. 1988. № 1. С. 121–122.
- Луначарский А. Как возник сценарий «Саламандра» // Советский экран. 1 января 1929. № 1. С. 4.
- М.Ц. Против антинаучных враждебных «теорий» // Комсомол. правда. 15 ноября 1936. С. 2.
- Медведев Н.Н. Юрий Александрович Филипченко, 1882–1930. 2-е изд. М., 2006.
- «Нью-Йорк Таймс» и «Сайенс Сервис» оправдываются // Известия. 24 декабря 1936. С. 3.
- Ответ клеветникам из «Сайенс Сервис» и «Нью-Йорк Таймс» // Известия. 21 декабря 1936. С. 1.
- Первая Всесоюзная конференция по медицинской генетике, Москва, 25–26 ноября 1975 г. / Ред. Н.П. Бочков, В.И. Иванов и др. М., 1975.
- Письмо Германа Мёллера И.В. Сталину. (Публикация Ю. Вавилова, предисловие И. Захарова, статья В. Бабкова) // Вопр. истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 65–94.
- По ложному пути // Правда. 26 декабря 1936. С. 4.
- Презент И. Проблема научных кадров в освещении буржуазного биолога // Под знаменем марксизма. 1931. № 6. С. 160–177.
- Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии. М.; Л., 1931.
- РГАЭ. Ф. 8390. Оп. 1. № 763. Лл. 210–212.
- Рефераты. Shaw. В защиту дегенератов. (A plea for the degenerate. The Lancet, 1915, p. 1665) // Русский евгенический журнал. 1922. Т. I. Вып. 1. С. 105.
- Рохлина М. Общественный смотр Ин-та экспериментальной биологии // ВАРНИТСО. 1930. № 5. С. 44–48.
- Рохлина М. Революция в институтах физмата I МГУ // ВАРНИТСО. 1930. № 2. С. 79–83.
- Саканян Е.С. ...Чтоб не очень совестно было помирать // В.В. Бабков, Е.С. Саканян. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. М., 2002.
- Серебровский А.С. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // Труды Кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте. М., 1929. Вып. I. С. 12.
- Серебровский А.С. Письмо в Редакцию // Труды Генетического отделения при Медико-биологическом институте. М., 1930. Вып. II. С. 447–448.
- Соболев Г. Русское евгеническое общество // ВАРНИТСО. 1930. № 5. С. 49–50.
- Стенограмма дискуссии при редакции журнала «Под знаменем марксизма» 1939 г.
- Стенограмма заседания Комиссии Наркомздрава от 15 мая 1937 г.
- Телеграмма академика Н.И. Вавилова в американскую газету «Нью-Йорк Таймс» // Известия. 22 декабря 1936. С. 4.
- Филипченко Ю.А. Действительные члены б. Императорской, ныне Российской Академии наук за последние 80 лет // Изв. Бюро по евгенике. 1925а. № 3. С. 3–82.
- Филипченко Ю.А. Интеллигенция и таланты // Известия Бюро по евгенике. 1925б. № 3. С. 83–101.
- Филипченко Ю.А. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Изв. Бюро по евгенике. 1922а. № 1. С. 8–21.
- Филипченко Ю.А. Наши выдающиеся ученые // Изв. Бюро по евгенике. 1922б. № 1. С. 22–38.
- Филипченко Ю. Наследственность приобретенных свойств // Т. Морган, Ю. Филипченко. Наследственны ли приобретенные признаки? Пг., 1925в. С. 56–57.
- Эфроимсон В.П. О скорости мутационного процесса у человека. Рукопись. 1932а. 16 с.
- Эфроимсон В.П. О некоторых проблемах накопления и действия леталей // Биол. журнал. 1932б. Т. 1. В. 3–4. С. 87–102.
- Carlson E.A. Genes, Radiation, and Society. The Life and Work of H.J. Muller. Ithaca. 1981.
- Haldane J.B.S. The rate of spontaneous mutations of a human gene // J. Genet. 1935. V. 31. P. 317–326.
- Moscow cancels genetics parley // The New York Times. 1936. Dec. 14. P. C 17.
- Muller H.J. Out of the Night. A Biologist's View of the Future. Vanguard, New-York, 1935 (репринт: Garland, New-York – London, 1984).